

ЛЕТОПИСНАЯ ПОХВАЛА КНЯГИНЕ ОЛЬГЕ В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ
ЛЕТ: ПОЭТИКА И ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ДОГАДКИ

Ихъ служителей и таинниковъ Божіихъ, прозрителей въ небесное,
начатокъ нашего рода, опору и вѣнцы Вѣры, драгоценныя жемчужины,
камни храма, для котораго основаніе и краеугольный камень Христось,
то есть прекрасной полноты Церкви.
Григорій Богослов

После рассказа о последних днях и кончине княгини Ольги в Повести временных лет (далее — ПВЛ) под 969 г. помещена Похвала ей¹. По замыслу летописца, Похвала Ольге как первой княгине-христианке Киевской Руси в конце ее летописного Жития является своеобразным апофеозом ее христианского подвига — принятия христианства, воспетого также и в летописной статье под 955 г. Похвала представляет собой развернутый символ, отразивший христианский подход к идеализации Ольгиного лика в отличие от фольклорно-языческого возвеличения ее хитрости и жестокости в летописных статьях под 945, 946 и частично под 955 г. [22, с. 85–92].

Посмертная Похвала Ольге несет жанровые черты торжественного ораторского красноречия и гимнического прославления. По словам Н. К. Гудзия, в ней «летописная риторика дает образцы подлинного поэтического воодушевления» [7, с. 82]. Для В. К. Былинина она — одно из первых произведений русской литургической поэзии. Ее автор использует перекрестно-симметрическую строфическую композицию, что типично для организации определенной части древнейших славянских гимнических стихов [3, с. 36–40]. Обращалось внимание и на наличие ритмических структур в других летописных текстах об Ольге, а также в житийных текстах о ней, что связывается с их предназначенностью для устного чтения [6]. Отмечая принадлежность Похвалы Ольге в ПВЛ к гимническому жанру, Е. А. Осокина полагает, что летописная Похвала и стихиры об Ольге, созданные Кириллом Туровским, восходят к общему источнику и указывают на некоторые ее связи с гимнической благодарственной поэзией о Богоматери и со стихирами о св. Константине и св. Елене [11].

А. А. Гогешвили отмечает, что весь образно-стилистический строй Похвалы Ольге, легко различаемые анафорические начала отдельных периодов, отделяемые на основе синтаксического и смыслового подобия, позволяют думать, что перед нами непрозаический текст, который имеет более высокий уровень структурной организации. К нему он относит и отрывок повествования о крещении Ольги в 955 г. По мнению А. А. Гогешвили и В. К. Былинина, при выделении начальных элементов строк Похвалы можно сформировать следующую реконструкцию акростиха: «**С**иан **С**ианѣ **С**иѣ **М**рна **С**иан **С**ианѣ», то есть «сияй, сияние сие мирно, сияй, сыне», а при включении некоторых горизонтальных элементов строк в акростиховой структуре получается композиция: «**С**иан аки зора предъ свѣтомъ / **С**ианѣ сие же есть Христось / **М**рна сиан сине **ѣ**же **ѣ**сть Христось» [5, с. 53–54]. Возможность такого прочтения исследователи поддерживают тем, что в Евангелии Христос и христианское вероучение сравниваются со светом и сиянием, символизирующими духовное просвещение, приобщение к истинному знанию.

В настоящей статье мы постараемся расширить представления о поэтике и генезисе Похвалы Ольге. С точки зрения ее содержания можно выделить *три основные части*. Первая часть восхваляет княгиню как предтечу христианства для своей земли: от слов «**С**и **б**ѣ...» до

¹ ПСРЛ. М., 1926. Т. 1. Стб. 68–69.

слов «...еже естъ Хъ». В известном смысле она инперсональна и может быть отнесена к любой начинательнице христианства. Вторая часть показывает Ольгу на фоне русской христианской истории и выражает в градации патриотическое чувство ее составителя в единстве с чувствами всех русских христиан: от слов «Мы же рцѣмъ к ней...» до слов «...молаше Бѣ за Русь». Третья часть ищет библейские максимы в подтверждение вечной памяти праведных, к которым принадлежит Ольга: от слов «Првднхъ бо дша не оумирают...» до конца летописной статьи. Здесь приводятся слова пророков Соломона и Давида.

Похвала Ольге отличается высоким эстетическим воздействием, ритмичностью и кольцевой структурой. Ее общий тон эмоционален и приподнят, что напоминает торжественность праздничной церковной службы. Возглас «радуйся» раскрывает одну из формальных особенностей икоса, который вместе с кондаком читается во время службы соответствующего святого перед его житием. На протяжении всей похвалы обычно в начале предложений дает о себе знать анафорическая комбинация «си» (вар. сию/се/со) + «бо» (вар. лексема, начинающая буквой «б»): **Си вѣтъ; Си бо съаше; Си бо шмыса; Сию бо хвалатъ; Се бо вси улѣци прославляютъ; Соломанъ бо рѣ; Сию влжнѣ Вольгѣ.** Похвала начинается словами «**Си вѣ...**» и заканчивается фразой, в которой читается «**сню влжнѣ Вольгѣ...**», что не только формально обрамляет ее, но и иллюстрирует смысловую и словесно-ритмическую кольцевидность текста. Этой анафорической комбинации подчиняется и следующий отрывок поучения по поводу крещения Ольги в Константинополе под 955 г.: **Си бо ѿ възроста влжнѣа (О)льга. искаше мдростю. все въ свѣтѣ семъ. налѣзе бисеръ многоцѣнныхъ. еже естъ Хъ.**²

Ритмизирующую роль играет и сравнительная частица «аки» (вар. тако) часто в качестве анафоры последующих строк: **аки денница; аки зора; аки луна; аки бисеръ; аки нацланицю; такоже рѣ Соломанъ; тако ѿ Бѣ познаваецѣ; тако десницею.** Опора на анафору и синтаксическую симметрию позволяет отнести ритм текста к третьему типу древнеславянского поэтического ритма: к синтактико-интонационному с анафорой³.

В первой части Похвалы Ольге доминирует «световая» лексика: **денница, слнце, зора, свѣтъ; луна, бисеръ; съаше; свѣтащеса.** Нагромождаются однокорневые лексемы: **свѣтомъ, съаше, свѣтащеса, свѣтъны.** Посредством аллитерации, повышенной концентрации звука «с» и звукового сочетания «свѣ/сва/сов/вси» (**свѣтомъ; свѣтащеса; свѣтъны; свѣтою; совлечеса; вси**) создается звуковой образ света, «струящегося» от принявшей святое крещение Ольги. Анафора «аки» (**аки денница; аки зора; аки луна; аки бисеръ**), вступающая во взаимодействие с ее перевернутым вариантом «ка» (**калѣ, калны**), выявляет контраст между светом (св. Ольгой) и тьмой («кальными» язычниками).

Первая часть Похвалы Ольге начинается развернутым макросравнением, сформированным в оппозиции «свет — тьма». Тут ясно выделяются два периода. В первом представлен только образ «сияющей» христианки Ольги — «свет», а во втором дается контрастное сопоставление между ней и греховными язычниками — «свет и тьма». Отдельные сравнения образуют нарастающую последовательность, которая достигнута посредством восходящей градации первых компонентов сравнения — денница, заря, луна, *бисер*, и нисходящей градации вторых компонентов — солнце, свет, ночь, *кал*. Каждый следующий образ естественно вытекает из предыдущего, обусловлен им. Астрономически первой выступает денница, предвещающая появление зари, которая, в свою очередь, возвещает о восходе солнца. Логически следующим образом должно быть солнце,

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 62.

³ К. Станчев обосновывает существование трех типов древнеславянского поэтического ритма: силлабический, музыкально-речевой и синтактико-интонационный с анафорой [15, с. 254–270; 14, с. 144–165].

но, так как в структуру первого сравнения уже введена лексема «слнце», летописец избегает повторения посредством предикативной формы: «Си во сыаше». Очередное астрономическое явление — это ночь, так естественно возникает сравнение между Ольгой и луной в ночном небе. Этим замыкается суточный цикл, и летописец обращается к предметным сопоставлениям — «аки висерь в калѣ» («как жемчуг в грязи»). От символики, связанной с небесными светилами, летописец переходит к более конкретным «земным» образам — так он делает стилистический переход от идеальной духовной сути Ольги к непросвященности загрязненных грехами язычников. Последнее суждение в отрывке (II.1. констатация, кто такие и каковы язычники) напоминает по своей смысловой и композиционной структуре начальную фразу (I.1. констатация, кто такая и какова Ольга) и таким образом придает ему гармоническую законченность. Четыре раза употребляется «си» и столько же «аки». Если добавить гипотетически пропущенное «Си(и)» в последнем ряду, симметрия реализуется полностью: I период: си, аки, аки, си; II период: аки, си, аки, си(и).

- I. Ольга. 1. Си въ предѣтѣкущина крѣпости земли.
2. аки деньца предѣ слнцмь. и
3. аки зора предѣ свѣтомъ.
4. Си во сыаше

- II. Ольга и язычники. 5. аки луна в ноци. тако и
4. си в невѣрныхъ члвцхъ свѣтащеса.
2. аки висерь в калѣ.
1. {Си(и)} кални во вѣша грѣ. не шмовени крѣпмь стмь.

Рассматриваемый отрывок, построенный на синтаксическом параллелизме, имеет в известном смысле зеркальную и одновременно с этим круговую (кольцевую) архитектуру. Он является настоящим шедевром по своему художественному изяществу и образности, связывающей идею прославления первой русской княгини-христианки с евангельской символикой и топикой.

Во второй части Похвалы наблюдается концентрация звука «р» (ра/рѣ/ри/ре/ер/ар) в ритмичном периоде, соотносимом с идеей прославления и радости христианской Руси: Мъ же рѣмъ к ни. раѣса Руское познанье. къ Бѣ начатокъ примиренью вѣхомъ. Си первое вниде в црство нѣное ѿ Руси. сию во хвалѣ Русине сѣве. аки началницю. ико по смрти молаше Бѣ за Русь⁴.

Итак, Похвала Ольге в целом представляет собой текст, имеющий богатую поэтическую образную систему и ритмическую организацию, достигнутую через синтаксические параллелизмы, анафоры и звукопись. Гимнографический лиризм, библейская метафорика и круговая композиция Похвалы выдают ее устное богослужбное назначение и бытование.

В науке существуют разные мнения о генезисе Похвалы Ольге в ПВЛ. А. А. Шахматов приходит к заключению, что «в распоряжении составителя Древнейшего свода была особая повесть о крещении и кончине Ольги. Из нее он взял обе статьи свои об обоих упомянутых событиях. Возникает вопрос: читалась ли в этой предполагаемой повести вся та похвала Ольге, которую находим в Начальном своде и Повести вр. лет, или, быть может, похвала эта приделана одним из позднейших редакторов (составителем Древн. свода или Нач. свода), как приделаны были (по-видимому, составителем Повести вр. лет) похвала Владимиру и похвала Борису и Глебу. Считаю вероятным, что похвала Ольге содержалась уже в Древнейшем своде и в источнике этого свода — особой повести, между прочим, потому, что содержащееся в ней

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 68.

указание на нетленность мощей Ольги повторяется и в проложной статье и в особой еще похвале Ольге, включенной в состав Иаковлевой Памяти и похвалы Владимиру» [23, с. 89–90].

Д. С. Лихачев рассматривает Похвалу как часть гипотетически восстановленного им «Сказания о начальном распространении христианства на Руси» и отмечает ее сходство с Похвалой князю Владимиру и другими текстами, принадлежащими к Сказанию [10, с. 64].

Образцом летописной Похвалы Ольге, по мнению Р. Якобсона, является «Слово на память Людмилы, покровительницы Чехии», составленное в самом древнем чешском Сазавском монастыре на латыни в конце XI — начале XII в. Оно послужило «естественной моделью образного строя похвалы св. Ольге». Основанием для такого вывода стал следующий отрывок, схожий с образцами и сравнениями в летописи: «Она взошла в земле Богемской как звезда утренняя, которая словно предвестница солнца правды, сиречь Христа разогнала лучом веры мрак заблуждения» (перевод латинского текста Р. Якобсона) [24, с. 52–53].

Вывод Р. Якобсона о зависимости Похвалы Ольге от Похвалы Людмиле, по мнению А. А. Гогешвили, излишне категоричен: «Естественную модель для образного строя Похвалы св. Ольге следует поискать не только в чешской агиографии конца XI века, но также в более ранних и, вероятнее всего, византийских источниках. Об этом достаточно определенно говорит грузинский акафист св. Нине», где раскрываются схожие с Похвалой Ольге строки: «Целый ряд “звезда, предвестница...”, “жемчуг драгоценный”, “омовение крещения”, “второе рождение” в сопоставлении с параллельным: “денница пред солнцем”, “бисер многоценный”, “омыся купелью святою”, “в новый Адам облечеса” уже с гораздо большей определенностью указывает на зависимость текстов акафиста св. Нине и Похвалы Ольге от какого-то другого, более раннего источника» [5, с. 55, 56–57]. Сходство ролей св. Нины и св. Ольги в истории христианства Грузии и Киевской Руси определяет, по всей вероятности, ссылку авторов Похвалы Ольги и Акафиста св. Нине на один и тот же идейно-художественный образец-прототип [5, с. 57].

Что это за более ранний источник? Думается, что это Акафист Богоматери, возникший, вероятно, в VII в. и явившимся древнейшим акафистом в славянском мире⁵. В пользу гипотезы о зависимости Похвал Ольге, Нине и Людмиле от Акафиста отмечу следующие сходные черты. Во-первых, прославляются женщины, значимые для христианства: Богоматерь предвещает дорогу к новой вере для христианской части человечества, а св. Ольга — для христиан восточнославянских земель, св. Людмила — для Чехии, св. Нина — для Грузии. Они чтимы как равноапостольные святые. Во-вторых, сопоставляются произведения, принадлежащие общей жанровой форме — торжественной ораторской прозе, хорошо знакомой и отработанной в средневековых христианских литературах. В-третьих, необходимо учесть популярность Акафиста в латинской, византийской, древнеболгарской и других славянских литературах.

Остановимся на сходных текстуальных (смысловых и стилистических) чертах Похвалы Ольге в ПВЛ и Акафиста Богоматери⁶. Параллельно даны Акафист св. Нине [5, с. 55–56] и Похвала Людмиле Чешской [24, с. 52–53] как тексты, возможно также восходящие к Акафисту Богоматери.

⁵ Об истории Акафиста Божией матери см.: [12], [13].

⁶ Текст Акафиста цитируется по OCR: Библиотека святоотеческой литературы <http://orthlib.ru>. Ср. также: Патриарх Сергей. Акафист матери божьей. Перевод С. С. Аверинцева // Памятники византийской литературы IV–IX веков. М., 1968. С. 244.

Акафист Богоматери	Похвала Ольге в ПВЛ	Акафист св. Нине	Похвала Людмиле
<p>Радѣса, свѣздо павлющаа слнце: радѣса, оутрѣсво бжественнаго воплощенїа. радѣса, еюже обновлетса тварь: радѣса, еюже покланяемса творцѣ (Икос 1);</p> <p>радѣса, чюдестъ хрѣтовыхъ начало ... радѣса, вѣсвѣтъ многоплачевныхъ стрѣпе. радѣса, свѣтъ неизреченно родившаа (Икос 2);</p> <p>радѣса, всегѣо міра уищенїе. радѣса, бжѣ къ смертныиъ блговоленїе: радѣса, смертныихъ къ бжѣ держновенїе (Икос 3);</p> <p>радѣса, твердое вѣрны оутвержднїе: радѣса, свѣтлоє блгодати познанїе (Икос 4);</p> <p>радѣса, свезды незаходимыа мтїи: радѣса, заре таинственнаго дне (Икос 5).</p> <p>радѣса, исправнїе человѣквѣтъ: радѣса, низпаденїе вѣсвѣтъ. радѣса прелести державѣ поправшаа: радѣса, їдольскѣю лестъ обличившаа... радѣса, огненныи стлпе, наставлааи сщ҃ыа во тьмѣ (Икос 6).</p>	<p>Си вѣи предѣтекущиа крѣпнѣстѣи земли. аки денница предѣ слнцѣи. и аки зора предѣ свѣтомѣ. Си во сыаше аки луна в ноши. такѣ и си в невѣрныихъ члвчѣхъ свѣтащеса. аки висерѣ в калѣ. кальни во вѣша грѣ. не омовени крѣпнѣ стѣи. Си во мнѣса крѣпѣлю стѣю. и совлечеса грѣховною одежевѣ. ветхаго члвка їдаа. и вѣ новыи їдаа облечеса еже естѣ Хѣ. Мы же рѣчѣи к ни. радѣса Руское познанїе. къ Бжѣ начатокъ примиренїю вѣхомѣ. Си первое внїде в цр҃ство вѣное ѿ Руси. сїю во хвалѣ Русїе снѣе. аки началнїцю. иво по смертїи молаше Ба за Русь (ПСРЛ. Т. 1 Стб. 68).</p> <p>Налѣзе висерѣ многоцѣпныхъ. еже естѣ Хѣ (ПСРЛ. Т. 1 Стб. 62).</p> <p>Не смѣслиша во ни разумѣша во тьмѣ ходѣщи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 63).</p>	<p>Звезду, предвестницей свыше посланную,/ шествию Господню сопутствующую,/ Нину божественную/ узрели спутницы ее Рипсима и Гаяне./ когда светилу божественному/ и сиянию светлому последовав,/ искали пришедшего царя небесного/ и нашли сокровище божественное -/ жемчуг драгоценный/ в омовении крещения,/ обрели второе рождение/ и душою обрадованной/ вознесли хвалу Господу...</p>	<p>Она возшла в земле Богемской, как звезда утренняя, которая, словно предвестница солнца правды (сиречь Христа), разогнала лучом веры мрак заблуждения. Она — первоцвет весны истинной (сиречь благодати), ибо ведомо, что она первой была прославлена среди святых названной земли. Еще и денницею она может быть названа — ибо светом святости произвела день богопочитания. ...Если же блаженная Людмила как на земле именуется часто первой матерью верных, так и на небе явилась заступницею — то требуют того заслуги ее, чтобы должный от верных воздавался ей почет (Перевод с лат.).</p>

Как Похвала Ольге в ПВЛ, так и Похвалы Людмиле и Нине корреспондируют в смысловом отношении с Акафистом Богоматери. И в четырех текстах устанавливаются общие смысловые элементы:

1. Женщины — предвестницы христианства в своих землях как «световые» образы.

Богоматерь и женщины — предвестницы христианства в своих землях представлены как утренние звезды, денницы, предвестницы солнца/света/Христа. Христос и христианство сравниваются с солнцем, светом и зарей, что ведет к евангельскому осмыслению их сущности. Денница соотносится с символами Богоматери. К ее образу, вероятно, отсылает метафора в

Псалтыри: «Из чрева прежде денницы подобно росе рождение Твое» (Пс. 109: 3). В «Речи Философа», обращенной к князю Владимиру, также отражено это пророческое осмысление: «Сѣмѹ Дѣдѹ класѹ Бѣ. ꙗко ѿ племени его родити Бѣ. первое науа прорѣтовати ѡ воплощенїи Бжѣѣ. рекъ. изъ чрева прежде денница родихъ тѣ»⁷.

Три стиха в Акафисте Богородице являют образы звезды, зари и солнца, которые встречаются в схожем контексте и в летописи: «радѣсѣ, свѣздо павляющаѣ слнцѣ» (Икос 1); «радѣсѣ, свѣзды незаходимыѣ мѣи: радѣсѣ, зарѣ таинственнагѣ дне» (Икос 5); «наставлѣтъ къ разѣмѣ бжественномѣ всѣ, зарѣю оумѣ просвѣщающаѣ... радѣсѣ, лѣуѣ оумнагѣ слнца: радѣсѣ, свѣтило незаходимагѣ свѣта» (Икос 11). Действительно, вполне точно заметка В. П. Адрианова-Перетц, что сравнение Ольги с денницей перед солнцем и зарей, перед светом является вариантом византийской метафоры Богородица — «утреннее солнце» [1, с. 21].

Аналогичную символику использует и Гимн Христу Григория Назианина, что иллюстрирует стилистическую общность христианских похвал Христу и Богородице. «Через тебя сиянье солнца, / Через тебя луны отрада, / Через тебя краса созвездий»⁸. В Стихирах о св. Константине и св. Елене также намечается схожий возглас: «миру показа, светозарна яко солнце» [11, с. 47].

В «славах» св. Петке в составе параклиса снова встречается образ звезды: «Ико же звѣзда всѣа на земли дѣлѣ свѣтлимѣ. и просвѣти въсьмь...» [17, с. 42], что становится сигналом устойчивости сравнения в отношении женских персонажей с ореолом святости. Св. Петка названа «богоневестой», а Богородица — «невестой невестной».

2. Женщины-предвестницы знаменуют появление христианства и являются воплощением Христа.

Посредством Богородицы воплощается и рождается солнце Христос: «павляющаѣ слнцѣ: радѣсѣ, оу трско бжественнагѣ воплощенїѣ» (Икос 1); «свѣтъ неизреченнѣ родившаѣ» (Икос 2). Так, подобно Богородице, женщины — предвестницы христианства в своих землях являются носительницами Божиего начала.

Ольга сравнивается с бисером, одновременно в тексте о ее крещении в Цареграде читаем, что она находит бисер многоценный в образе Христа: «налѣзе бисеръ многоцѣнныхъ. еже естъ Хъ». В Акафисте св. Нине звучит аналогичная идея: «искали пришедшего царя небесного / и нашли сокровище божественное - / жемчуг драгоценный». Так св. Ольга и св. Нина ищут и находят Христа в образе бисера / жемчуга и солнца.

3. Женщины-предвестницы символизируют новое начало, христианское обновление мира/своей земли водой/крещением.

Богородица сравнивается с водой, обновившей мир: «радѣсѣ, всегѣ мїра ѡчищенїѣ» (Икос 3), «радѣсѣ, ꙗкѣ многоцѣннѣю истоуаши рѣкѣ. радѣсѣ, кѣпѣли живописѣющаѣ ѡбразъ: радѣсѣ, грѣхсвѣннѣю ѡемлющаѣ сквернѣ. радѣсѣ, банѣ, ѡмывающаѣ свѣсть» (Икос 11). Подобно Богородице св. Ольга и св. Нина постигают свое и своего народа христианское обновление через воду / крещение. О св. Нине и ее спутницах сказано: «омовении крещения, / обрели второе рождение». В Похвале Людмиле мотив обновления мира / своей земли водой / крещением сопряжен с образом обновляющей весны и ее вестника — первоцвета: «Она — первоцвет весны истинной (сиречь благодати)».

⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 97.

⁸ Григорий Назианин. Гимн Христу. Перевод С. С. Аверинцева // Памятники византийской литературы IV–IX веков. С. 72.

Летописная Похвала развивает идею об обновлении, сопоставляя старого Адама и нового Адама — Христа: «**Си во шмгыса купѣлю стѣю. и совлеуеса грѣховною шдежевъ. ветхаг^о ѹлѣка Ядама. и въ новыи Ядамъ швлеуеса еже естъ Хѣ**».

В «славах» св. Петке восхваляется ее освящение через воды реки Иордан: «и въ вода(х) иорданскы(х), прѣчу(с)тною ти тѣло штѣы» [17, с. 42].

4. Женщины-предвестницы приносят христианство как избавление от языческих грехов и заблуждений.

Еще в Акафисте задана тема разрыва с язычеством и контраста между «сияйным» образом Богоматери и тонущими во тьме и грехах язычниками: «**радѣса, варварскагѡ избавляющаа слѣженїа: радѣса, тилѣнїа изимающаа дѣла**» (Икос 5); «**радѣса, исправлїе челоуѣкѡвъ: радѣса, низпаденїе вѣсѡвъ. радѣса прелести державѡ поправшаа: радѣса, їдѡльскѣю лествѣ шблиуившаа... радѣса, огненнѣи стслпе, наставляаи сѣщыа во тьмѣ**» (Икос 6). Акафист неоднократно акцентирует внимание на победе над бесами, достигнутой Богородицей: «**радѣса, вѣсѡвъ многоплауѣвнѣи стрѣпе**» (Икос 2) («Радуйся, демонов многослезное уязвление»⁹). Можем сравнить его и с аналогичным возгласом из «слав» св. Петке: «**Низложивъ се шплѣуенїе вѣсѡвскою прѣдѣнаа**» [17, с. 42].

С помощью образов, символизирующих темное и нечистое пространство, таких как «ночь», «кал» и «тьма», которые контрастируют со «световым» началом, представленным «светом», «луной» и «бисером», показано избавление от языческой греховности. Тема противостояния праведного, христианского с греховным, языческим возникает также в эпизоде, когда новообращенная Ольга безрезультатно пытается убедить сына Святослава принять христианскую веру: «**Не смгыслиша во ни разумѣша во тьмѣ ходѣшии**»¹⁰. В Похвале Людмиле упоминается «мрак заблуждения».

Можно отметить общую структуру посмертных похвал святым женщинам — предвестницам христианства, связанную с Богородичной моделью. Некоторые сходства наблюдаются и с похвалами другим святым женщинам, таким как св. Параскева Пятница и св. Елена, которые, по всей вероятности, опираются также на Акафист Богоматери.

Похвала Ольге, однако, показывает зависимость и от другого Богородичного текста — Похвального слова на Успение Богородицы (далее — ПСУБ)¹¹ Климента Охридского. Идейная программа, представленная выше, видна и в Климентовом слове, где заимствуются и развиваются темы из Акафиста. Четыре рассмотренных выше семантических звена осмыслены сходным образом. Произведение Климента перенимает от Акафиста и другие подтемы и стилистические особенности, среди которых идея утешения и реванша Адама и Евы, хайретизм «радуйся» и лирическое обращение к Богородице. К четырем мотивам можно добавить пятый: победа над дьяволом и защита от его козней. Ораторские приемы кирилло-мефодиевского ученика формируются в большой степени на основе византийской ораторской традиции. Это относится и к рассматриваемому тексту, для которого отмечалось: «Отдельные слова Климента Охридского, однако, как его великолепное Слово на Успение Богородичное, обязаны византийской традиции не только отдельными образами, но и более крупными текстовыми целостями» [2, с. 151; 16, с. 95—96]. Надо учесть также, что согласно Житию св. Клименту, написанному архиеп. Теофилактом,

⁹ Патриарх Сергей. Акафист Матери Божьей. С. 244.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 63.

¹¹ Похвальное слово на Успение Богородицы — одно из многих Климентовых сочинений, посвященных Богоматери. Оно получает значительное распространение в славянских литературах — в болгарской, сербской, русской, а также в румынской литературе. Почти во всех списках указано имя Климента как автора. Известны более 60 списков. См.: Климент Охридски. Събр. съч. С., 1970. Т. I / Съст. Б. Ангелов, К. Куев, Х. Кодов. С. 762—774. Древнейший список находится в Михановичевом хомилиаре XIII в.

именно Климент Охридский переводит с греческого на староболгарский язык постную Триодь, где на утрени в субботу пятой недели Великого Поста читается Акафист Божей матери.

С одной стороны, нетрудно увидеть в общем плане зависимость Похвального слова на Успение Богородицы Климента от Богородичного Акафиста. С другой стороны, имеются некоторые другие черты в летописной Похвале Ольге и Климентовом слове, указывающие на более близкое сходство между ними. Параллели выведены почти полностью из «настоящей похвалы» Богородицы, составляющей последнюю заключительную часть Похвального слова на Успение Богородицы. Приведены также примеры из других Богородичных слов св. Климента: Поучение на предпразднование Рождества Богородицы (далее — ПпРБ)¹² и Поучение на Рождество Богородицы (далее — ПРБ)¹³. В таблице Похвала Ольге дана без библейских цитат — сентенций Соломона и Давида.

<p>Похвала Ольге в Повести временных лет</p>	<p>Похвальное слово на Успение Богородицы Климента Охридского</p>
<p>Си вѣи предѣтикуциа крѣпѣи стѣи земли. аки деньица предѣ слнцнмъ. и аки зора предѣ свѣтомѣ. Си во съгаше аки луна в ноци. тако и си в невѣрнѣхъ улвѣхъ свѣтащеса. аки висерѣ в калѣ. кальни во вѣша грѣ. не вмовени крѣпѣи стѣи. Си во влгиса крѣпѣлю стѣю. и совлечеса грѣховною вдежевѣ. ветхаго улѣва Ядама. и вѣ новѣи Ядамѣ вблечеса еже естѣ Хѣ. Мѣ же рѣкѣмѣ к неи. рѣкѣмѣ Руское познание. кѣ Бѣ начатокѣ примиреню вѣхомѣ. Си первое вниде в цѣство вѣное ѿ Русѣ. Сию во хвалѣ Русѣи сѣбе. аки началницю. иво по смѣрти мѣлаше Бѣ за Русѣ... Се во вси улѣци прославляють видѣща лѣжащага в тѣлѣ на многа лѣт... Зѣщититѣ во естѣ сию влѣкѣ Вольгоу. ѿ противника и сѣпостата дѣавола. (ПСРЛ. Т. I. Стб. 68—69).</p>	<p>Раѣи се, прѣсвѣтлыи вблече, понесшиа мыслѣнаго слнца Хса вѣ урѣвѣк своємѣ... Раѣи се, прѣрѣкѣю зѣкѣтиѣ и свршениѣ нѣшѣмоу вбновленю... Раѣи се, свѣтило незаходѣщаго свѣта, вѣ свѣк приѣмши, и вѣсего мира вѣоразоуино вѣсвѣтивши и свѣтици присно прѣсвѣтлами си мѣтѣами... Раѣи се, вбновление Ядмѣи Ювѣжино раздрѣшениѣ. Тобою во, гѣде, избавихом се ѿ льсти идольскѣи, тобою пакѣ вѣзвращениѣ вѣрѣтохомѣ вѣ прѣвоую жизнь. Тобою, прѣсѣта гѣе, сѣнове вѣжи нарицаемѣ се, вѣрою крѣще се вѣ стѣую трѣицоу. Тобою соупостатѣ нашѣ дѣаволь побѣдѣнѣ вѣвѣ... Тѣм же и нѣа за нѣ непрѣстанно помѣи се, твоѣ прѣсѣоу оупениѣ почитающе... и цѣтѣиѣ вѣноу испросѣи оу сѣа своѣго... (ПсУБ. С. 767). Ср. также: Тою во вбнови се вѣетѣшаныи грѣхомѣ родѣ улѣвѣу (ПсУБ. С. 766). Тѣ во днѣ стѣ, вѣрѣю, нашѣмоу начатѣкѣ спѣсѣнию (ПпРБ. С. 197). Се во вѣсѣа намѣ вѣ тѣмѣ грѣховнѣи сѣдѣциимѣ (ПРБ. С. 207).</p>
<p>Не слыслиша во ни разумѣша во тѣмѣ хѣдашии (ПСРЛ. Т. I. Стб. 63).</p>	

1. Женщины — предвестницы христианства в своих землях как «световые» образы.

¹² Климент Охридски. Събр. съч. Т. I. С. 186—197.

¹³ Там же. С. 198—208.

Здесь надо внести уточнение, что образ звезды/денницы, возвещающей свет/зарю, встречается в летописной Похвале Ольге и в Акафисте Богородице, в то время как в Похвальном слове на Успение Богородицы Климента Богородица сравнивается с пресветлым облаком, понесшим солнце Христа. При следующих сопоставлениях сходство между летописным текстом и Климентовым сочинением оказывается более осязаемым.

2. Женщины-предвестницы знаменуют появление христианства и являются воплощением Христа.

Подобно Богородице, которая несет в себе солнце — «светило с незаходящим светом», отождествляемое с Христом, княгиня Ольга предшествует появлению солнца, то есть христианства, в русской земле.

3. Женщины-предвестницы символизируют новое начало, христианское обновление мира/своей земли водой/крещением.

Звучит идея о новом начале, связанном с Христом и Св. Троицей. Крещение — это христианское обновление людей и их избавление от языческой тьмы. Посредством крещения св. Ольга отказывается от язычества и от старого Адама, принимая Нового Адама — Христа. Богородица в Слове св. Климента знаменует обновление человеческого рода посредством Адама и Евы и их евангельского реванша. Тут отсутствует указание на прямую связь между обновлением и водой.

4. Женщины-предвестницы приносят христианство как избавление от языческих грехов и заблуждений.

Богородица избавляет христиан от «идольского прельщения», а св. Ольга приближает русских к Богу и снимает их языческие грехи. В Климентовой похвале присутствуют прямые обращения к Богородице во 2 л. ед. ч. (Тѡбою во, гѣде...), а в летописной Похвале об Ольге говорится в 3 л. ед. ч. (Си вѣ...) и автор призывает своих слушателей к сопричастности в 1 л. мн. ч., используя объединительное «мы» (Мы же рѣкъмъ к неи). В летописном тексте «русские сыновья» хвалят свою «начальницу» (начинательницу), а в Климентовой похвале общность крещеных «сыновей божиих» выражает свою благодарность Богородице.

5. Победа над дьяволом и защита от его козней.

Противодействие дьяволу и победа над ним — одна из постоянных тем в христианской агиографической и ораторской литературе, но в контексте уже установленных выше сходных черт она также должна быть указана.

В представленных текстуальных параллелях выступают следующие общие образы и мотивы: сравнение Богородицы и Ольги с небесным образом, излучающим свет и предвещающим приход христианства; идея обновления мира/русской земли; реванш Адама (и Евы); Богородица и Ольга как воплощение и предвестие Христа для человеческого рода/русской земли; посредством Богородицы и благодаря ей «мы» превращаемся в «сыновей божиих»; посредством Ольги «мы» узнаем Бога и освобождаемся от язычества, за что ее хвалят «русские сыны»; победа над дьяволом и защита от него; постоянные молитвы Богородице и Ольги за тех, кто их почитает; возглас «радуйся»; личное обращение к Богородице и к Ольге. Сопоставляемые тексты имеют общий пафос. Летописец применяет сказанное о Богородице к св. Ольге и к русской христианской истории, оценивая прошлое уже с исторической дистанции через призму евангельских первособытий.

По своей лексике и ее смысловой организованности Похвала Ольге в ПВЛ под 969 г. показывает большую близость к Похвальному слову на Успение Богородицы Климента, чем к Акафисту Божией Матери и другим похвалам святым женщинам. Большая часть лексем является общей для обоих текстов, это было проверено по индексу слов Климента Охридского,

подготовленному И. Христовой-Шомовой [18]. В похвальных словах Климента Охридского, посвященных Богородичным праздникам, Богородица и Христос нарисованы световыми образами и символами. Изобилуют существительные с семантикой 'источник света', эпитеты, несущие «световые» качества, и глаголы со значением 'излучение света'. Этой символике подвластны и ряд святых в творчестве св. Климента. Можно провести параллели между Похвалой Ольге и другими Климентовыми словами, например Похвалой Иоанну Предтече, Похвалой Кириллу Философу, Похвалой Кириллу и Мефодию¹⁴.

Итак, по своей образности и композиции Похвала Ольге корреспондирует со «световой» образностью и характерной стилистикой Похвал Климента Охридского. Символикой, построенной на «световой» лексике, отличается и восстановленный исследователями акростих летописной Похвалы Ольге, если довериться предложенному учеными прочтению. Можно заключить, что Похвала «Климентовидная». Ниже приведем те языковые, стилистические

¹⁴ Сравнение с денницей-предвестницей, утренней звездой и зарей устойчиво присутствует в Словах Климента Охридского и применяется по отношению к ряду святых: к св. Иоанну Предтече, к св. Кириллу Философу, к обоим славянским апостолам свв. Кириллу и Мефодию, к св. Димитрию Солунскому. Контраст с греховным мраком/тьмой также устойчивый прием. В Похвале Иоанну Предтече Климента Охридского и в Похвале Ольге образы денницы как предтечи и предвестницы зари, света и солнца развертывают семантику предшества и начала — Иоанн предшествует Христу, а Ольга — русскому христианству: *Истоци намь тако не коупѣли прѣсветлааго слнца днѣницоу прѣдѣтекоуцию и всю вселенцоу свѣтломь wzаряюцию* (Слово на Рождество Иоанна Предтечи, 2 слово // Климент Охридски. Събр. съч. Т. II / Съст. Б. Ангелов, К. Куев, Х. Кодов, К. Иванова. С., 1977. С. 404); *Вьсита во намь днѣ ѿ самого вьстока вьстокомь днѣница прѣсвѣтлаа, прѣдѣтекоуци и направаюци* (Там же. С. 406); *Радоуи се, свѣтлиннуе трѣсвѣтлааго вѣтѣва, зарю сѣте се и весь лирь просвѣщае вѣгзарньими словеси* (Там же. С. 406). Ср. в других Словах: *Ище ко и послѣжѣ вьсита, то все прѣспѣта, тако и днѣница, послѣдѣ вьсходѣ свѣтлостию своєю, вѣ ликъ звѣзды овлитаеуть, слнѣными зарали свѣтъ прогваляющи... зарали ситаа, тавѣ просвѣти вьсучельнааго рода, вѣ тилѣ лежащаа невѣнѣта; зарю ситае и мракъ грѣховънын ѿгонѣ* (Похвала Кириллу Философу // Климент Охридски. Събр. съч. Т. I. С. 439); *Послѣ же вѣснѣваша, тако оутрѣнаа звѣзда, ѿ слнца свѣтъ приемяющи, свѣтлѣиши вьсѣхъ тавлаеутьса... новаа проповѣдника и свѣтлинника вьсеи вселенѣи... придоста тако слнце, тьмнаа мѣста стопами своими просвѣщающа, вьскоу мьглоу поганьскоую дѣховьнынь огньмь попадающа... тако слнцѣ вѣснѣвавъша, мракъ грѣховьнаа ѿгнѣнавъша, просвѣтѣста воукъвалии* (Похвала Кириллу и Мефодию // Климент Охридски. Събр. съч. Т. I. С. 471–472); *Рауиса, незаходимаа заре, вѣоутѣемь вьса просвѣщаа* (Похвальное слово Димитрию Солунскому // Там же. С. 235).

Сравнение с денницей-предвестницей дневного света и зари, а также и контраст с греховным мраком встречаются и в «Учительном евангелии \» Константина Преславского. Устойчивый характер имеет символическая связь этих образов с апостольским/евангельским словом, что должно подтолкнуть к покаянию грешников во время поста и смыть их духовную нечистоту. *Братие нѣиа подобно намь несть аплское слово. съ сладостию выпноуе рѣши... се во варяеть тако днѣница прѣдѣтекоуциа. свѣтлость сего днѣ. постьныхъ днѣи зарю прѣдѣвзвѣщае намь... сѣучѣни оуи съмыслоу просвѣщае. дѣховьными же словеси и юѣлаи сего мракъ ѿгонитъ грѣховны... спѣсѣние непокавшихъсе по крѣпѣни вѣ тилѣни грѣховьнѣамь. Да такоже трѣвоуемь водыи на шивѣние скверни.* (19 Беседа // Антоний. Из истории христианской проповеди. СПб., 1892. С. 261).

Кроме Похвалы Ольге утренняя звезда как образ встречается и в похвалах другим русским святым — свв. Борису и Глебу в ПВЛ и св. Феодосию Печерскому в «Житии преподобного отца нашего Феодосия» Нестора: *Радуитас свѣтлѣи звѣздѣ заутра вѣсходѣци* (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 139); *Ико отнюдоу же не вѣ научатѣста, оттоудоу же вѣсита намѣ днѣница прѣсвѣтла, такоже отъ вьсѣхъ странъ видѣвѣше свѣтѣние ея, теши к ни, вьса презрѣвѣше, тоа единого свѣта насытитѣста* (Житие Феодосия. Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. С. 73–74).

В средневековых христианских литературах образ денницы/утренней звезды применяется как к образам женщин-святых — Богоматерь, св. Ольга, св. Людмила, так и к образам мужчин-святых — св. Иоанн Предтеча, св. Кирилл Философ, свв. Кирилл и Мефодий, св. Димитрий Солунский, свв. Борис и Глеб и св. Феодосий Печерский. Этот поэтический топос отсылает к евангельским текстам и к святоотеческой литературе. Вот три примера из творчества Григория Богослова:

О Кесарій мой — досточтимое имя! какъ утрення звѣзда блисталь ты тогда при дворѣ царскомь, занимае первое мѣсто по мудрости в кроткому нраву (Творения иже во святыхъ отца нашего Григория Богослова. Ч. IV. М., 1844: 286); Тотъ былъ прекрасная утрення заря, весенній цвѣтъ между мужчинами, и привлекаль на себя взоры вьсѣхъ. Тотъ славень подвигами; тотъ по оружию Арей. (Там же: 322); Евфимій и Амфилохий — свѣтлыя звѣзды для вьсѣхъ Каппадокиянь (Творения иже во святыхъ отца нашего Григория Богослова. Ч. V. М., 1847: 351).

и композиционные особенности Климентовых похвальных слов, которые отражаются в Похвале Ольге в ПВЛ и дают аргументы в пользу моей гипотезы о том, что древнерусский книжник руководствовался при составлении Похвалы Климентовыми ораторскими приемами: лексическим фондом с избытком «световой» лексики, оппозицией между светом-спасением и тьмой-грехом [16, с. 99–100; 4, с. 61–63, 78; 19, с. 38–40]; сочетанием сравнений и эпитетов, связанных с одним и тем же семантическим ядром; метафорами предикативного типа, в которых метафоричность выражается через глагольное действие; риторическими тирадами [16, с. 100–101]; риторическими отрывками с ритмической организацией, основанной на синтаксическом параллелизме, часто в сопровождении анафоры [15, с. 254–270; 16, с. 9; 19, с. 31]; заменой повествования от 3-го лица повествованием от 1-го лица в определенный момент при переходе к Похвале [16, с. 78; 4, с. 70].

Составитель летописной Похвалы Ольге (автор «Сказания о распространении христианства на Руси», возможно, Иларион), вероятно, использовал в качестве образцов Климентовы похвальные тексты, посвященные Богородице. Ссылка на Слова св. Климента наблюдается также в летописной Похвале свв. Борису и Глебу [21, с. 411–419], в некоторой степени в Похвале князю Владимиру в 1015 г. и в Похвале князьям Ярославу и Владимиру в 1037 г. [20].

Припомним обобщение о широком резонансе Климентового ораторского искусства в Slavia Orthodoxa: «В славистике воспринято мнение, что св. Климент научил своих учеников ораторскому мастерству и что они писали слова по моделям, заданным их учителем. Позже, вероятно, тоже были написаны слова по подражанию Клименту, при том не только в Болгарии, но и во всем православном славянском мире» [19, с. 28].

Сочинения св. Климента являются частью древнеболгарского книжного наследия X в., проникшего в Киевскую Русь в XI–XII в. во время первого южнославянского влияния. Было найдено значительное количество восточнославянских списков его произведений. К. Куев указывает, что «в XII–XIII в. Климентовы поучения и слова хорошо известны в русских пределах и русский проповедник часто обращается к ним. Учитывая, что князь Владимир поддерживал тесные связи с Охридом (согласно Мошину), легко можно объяснить и раннее проникновение Климентовых произведений на Русь» (перевод – И. Ч.) [9, с. 21]. М. Йовчева исследует проникновение гимнографического творчества кирилло-мефодиевских учеников на Русь, делая ряд ценных наблюдений [8, с. 100–112]. Думаю, что было бы перспективным проследить влияние Климентовых гимнографических и ораторских текстов на оригинальные древнерусские произведения.

Итак, возможно, что Слова Климента Охридского оказали влияние на древнерусских летописцев, ораторов и агиографов при создании ими текстов, посвященных первым киевским святым. Как известно, активно опираясь на византийскую словесную традицию в своем творчестве, Климент составлял слова-образцы «на случай», которые использовались книжниками разных национальных традиций в пределах Slavia Orthodoxa. Проведенный анализ позволяет предложить гипотезу, что такой похвальный текст-образец, тесно связанный с Акафистом Божией Матери, лежит в основе летописной Похвалы Ольге¹⁵.

Продолжение в № 4 (54)

Литература

1. Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947.
2. Ангушева А. Тържествено красноречие // История на българската средновековна литература. Съставител А. Милтенова. С., 2008.

¹⁵ Выражаю свою благодарность доц. Р. А. Спасовой за редактирование текста.

3. Былинин В. К. К проблеме стиха славянской гимнографии (X–XIII вв.) // Славянские литературы. X Международный съезд славистов. М., 1988. С. 36–40.
4. Велинова В. Климент Охридски – учителят и творецът. С., 1995.
5. Гогешвили А. А. Акrostих в «Слове о полку Игореве» и других памятниках русской письменности XI–XII веков. М., 1991 (II. Апология равноапостольной княгини Ольги).
6. Гриценко Э. А. Ритм произведения как компонент стиля (на материале житийных и летописных памятников о княгине Ольге) // Литература Древней Руси. Сб. трудов. М., 1983. Вып. 4. С. 25–30.
7. Гудзий Н. К. История древней русской литературы. Изд. 8-е. М., 2003. (1-е изд. – 1966).
8. Йовчева М. Гимнографическое наследие кирилло-мефодиевских учеников в русской книжности // ДРВМ. 2002. № 2 (8). С. 90–102.
9. Куев К. Съдбата на старобългарските ръкописи през вековете. С., 1979.
10. Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
11. Осокина Е. А. Летописная «похвала» и «стихиры», посвященные кн. Ольге // Герменевтика древнерусской литературы X–XVI вв. М., 1992. Сб. 3. С. 44–53.
12. Пападопуло-Керамевс А. Акафист Божией Матери // ВВ. СПб., 1903. Т. X. С. 357–401.
13. Попов А. Православные русские акафисты, изданные с благословения Святейшего Синода: История их происхождения и цензуры, особенности содерж. и построения. Казань, 1903.
14. Станчев К. Поетика на старобългарската литература (Основни принципи и проблеми). С., 1982. С. 144–165.
15. Станчев К. Ритмични основи на старобългарската поезия // Славистични изследвания. С., 1973. Т. 3. С. 254–270.
16. Станчев Кр., Попов Г. Климент Охридски. Живот и творчество. С., 1988.
17. Томова Е. Параклис за св. Петка Търновска в кирилски ръкопис РАН-215 (Букурещ, Румъния) // Пловдивски университет «Паисий Хилендарски». Пловдив, 2003 (2006). Т. 41. Кн. 1. Филология. С. 37–45.
18. Христова-Шомова И. Езикова характеристика на творбите на св. Климент Охридски // Свети Климент Охридски. Слова и служби / Съставители П. Петков, И. Христова-Шомова и А.-М. Тотоманова. София, 2008. С. 38–48.
19. Христова-Шомова И. Литературните творби на св. Климент Охридски // Свети Климент Охридски. Слова и служби / Съставители П. Петков, И. Христова-Шомова и А.-М. Тотоманова. София, 2008. С. 31–37.
20. Чекова И. Летописните похвали за Владимир и за княз Ярослав в «Повесть временных лет» – поетика и текстологични догадки // ТРИАНТАФУЛЛО. Юбилеен сборник в чест на 60 годишнината на проф. дфн Христо Трендафилов. Шумен (в печати).
21. Чекова И. Цикълът от произведения за Борис и Глеб – текстологични хипотези (по материали на похвала за Борис и Глеб в «Повесть временных лет» и «Сказание о Борисе и Глебе») // Slavia Orthodoxa. Език и култура. Сб. в чест на проф. дфн Румяна Павлова. София, 2003. С. 411–419.
22. Чекова И. Эпос, мифы и мифологемы в древнейшем летописании Киевской Руси // Ruthenica. Киев, 2003. Т. 2. С. 85–92.
23. Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001.
24. Якобсон Р. Основа славянского сравнительного литературоведения // Работы по поэтике. М., 1987. С. 52–53.